

Зачин

ВЗГЛЯД НАЗАД — 1

Гатчино, январь 1909 года

Кадет Фёдор Солонов (первое отделение, седьмая рота Александровского кадетского корпуса) сидел на жёсткой госпитальной скамье. Сидеть было неудобно, и он всеми силами заставлял себя думать только и исключительно об этом. Сидеть неудобно, неудобно сидеть. Жёстко. Почему нельзя поставить в коридоре корпусного лазарета нормальные мягкие банкетки?

Стояла глухая ночь. Корпус спал, спал в своей постели верный друг Петя Ниткин, и только он, Фёдор — в форме и при полном параде — явился сюда, в госпиталь, под предлогом того, что «услыхал, как несли раненого».

Скрипнула дверь. Нет, не та, которую он ждал с ужасом и надеждой, входная, слева от него. Торопливые шаги, перестук каблучков.

— Федя! Фёдор, зачем ты здесь?!

И сразу же через порог шагнули подбитые железом офицерские сапоги:

— Да, Фёдор, что ты тут сидишь? В такое-то время!.. Как ты здесь вообще оказался?..

Ирина Ивановна Шульц, преподавательница русской словесности, и подполковник Константин Сергеевич Аристов, начальник седьмой роты, а заодно — и командир первого отделения. Ну, и преподаватель военного дела. Он же — Две Мишени, поскольку на щеках у него

после плена у диких афганцев остались вытатуированы две аккуратные мишени, ну хоть сейчас в тир.

— Илья Андреевич... — выдавил кадет, сейчас совершенно не бравый, а более подходящий на мокрого и несчастного котёнка. — Илью Андреевича... у... у...

— Господина Положинцева сейчас оперируют, — мягко сказал Две Мишени, кладя Фёдору руку на плечо. — Слава Богу, полиция и доктора успели вовремя. Спасибо государю, устроившему в Гатчино эту станцию для немедленной подачи скорой помощи. И спасибо нашим попечителям, великому князю Сергию, что лазарет у нас получше любой градской больницы.

— Он... он... он у... у...

Кажется, кадет собирался самым постыдным образом разреветься.

— Всё в руце Божьей, — серьёзно сказала Ирина Ивановна. — И наших докторов. Илью Андреевича оперируют. Мы сейчас можем только молиться, Феденька.

— Но я рад, что жизнь человеческая, жизнь учителя для тебя так значима, Фёдор, — добавил подполковник. — Я знаю Илью Андреевича не так давно, как скажем, капитанов Коссарта с Ромашкевичем — с ними мы ещё в Маньчжурии воевали, — но человек он хороший и отличный учитель. Был у нас такой кадет, ныне уже поручик, по фамилии Зубрович — Илья Андреевич ему такую любовь к физике внушил, что занимается теперь этот поручик ни много ни мало, а налаживанием армейской беспроводной связи. Так, так, кадет, отставить! Господин Положинцев сего света не покидал и, верю, долго ещё не покинет!.. Но как ты узнал?..

Фёдор застыл, опустив голову и упрямо разглядывая собственные руки. Нормальные руки, мальчишеские, в ссадинах и царапинах, как положено. Но царапины заживут, а вот Илья Андреевич...

И нельзя, нельзя никому ничего говорить! Нельзя говорить, где носило их с Бобровским, что они делали в Приоратском дворце, что они там видели и слышали. Все должны думать, что он, Фёдор, печалится и тревожится за судьбу одного из любимых учителей, хотя на самом деле это не так. Нет, конечно, Фёдор и тревожился, и печалился, но, признавался он себе честно, страх за себя его тоже глодал. Что, если всё вскроется? Что, если прислуга из Приората проболтается полиции?..

От одних этих мыслей всё леденело внутри; и за этот холод Федя себя ненавидел тоже. Как можно так за себя бояться?! Разве папа в Маньчжурии или Две Мишени до этого в Туркестане тряслись так, как он сейчас? Какой же из него кадет, какой офицер?..

Госпожа Шульц, кажется, понимала, что с ним сейчас что-то очень неладно, но, конечно, не могла определить, что именно. Сидела рядом, положив руку ему на плечо, покачивала головой.

— Оставьте мальчика в покое, Константин Сергеевич, сейчас не время выяснений... Не надо отчаиваться, Федя, — говорила она, и в голосе её звучала непоколебимая уверенность. — Илья Андреевич ранен, и ранен опасно; однако на нём были и толстая шуба, и ватная куртка...

Фёдор слушал и не слышал. Толстая шуба... ватная куртка... если стреляли из «маузера», то его пуля в упор пробивает десять дюймовых досок. Шансов нет.

И всё потому, что он, Фёдор, не сказал Илье Андреевичу вовремя о том, что знает его тайну, что был в его мире и вернулся обратно — вот только не ведает, что случилось с самой машиной, куда она исчезла из подземной галереи. Может, тогда бы Илья Андреевич не рисковал бы, строил бы новый аппарат с их — Фёдора и Пети Ниткина — помощью...

От этого стало совсем скверно. Федя Солонов свернулся на скамье в какое-то подобие шара, скорчился, сжался на жёстких лакированных досках.

Если бы он только сказал!..

Если бы только он сознался, что они с Бобровским лазали в потерну!..

Едва слышно приотворилась тщательно смазанная дверь. Шаги совсем рядом, тяжёлый вздох.

— Простите, господа, вы — родственники пострадавшего?..

Профессор Военно-медицинской академии Николай Александрович Вельяминов¹, знаменитый хирург, по счастью находившийся со студентами на практике в дворцовом госпитале Гатчино.

— Мы его коллеги, ваше превосходительство, — подполковник Аристов, казалось, едва выговаривает слова. — А этот кадет — его ученик. У Ильи Андреевича не было ни родных, ни близких...

— Сделано всё, что в человеческих силах, — перебил Вельяминов. — Три пули. Стреляли из револьвера — система «нагана». По счастью, ни один жизненно важный орган не задет. Но ранения всё равно тяжёлые, возможен сепсис.

Две Мишени с Ириной Ивановной заговорили разом, но Федя уже не слышал. Илья Андреевич жив!.. Жив, хоть и ранен, и тяжело!..

— Ну вот видите, кадет Солонов, — раздался над самым ухом голос Константина Сергеевича. — Всё будет хорошо. Николай Александрович, кстати, упомянул не-

¹ Н. А. Вельяминов (1855–1920) — в нашей реальности хирург, лейб-медик, тайный советник (что соответствовало званию «генерал-лейтенант»), врач императора Александра Третьего, академик Императорской военно-медицинской академии.

кого доктора Тартаковского¹, который якобы разрабатывал новое средство от заражений... Но это уже совсем иное дело, а теперь поведайте мне, Фёдор, как вы оказались в корпусном лазарете?..

— Не могу знать, господин подполковник!

Кажется, он сумел удивить даже Двух Мишеней.

— То есть как «не могу знать», кадет?

— Проснулся, господин полковник! Глянул в окно — а там огни, суматоха!.. Ну я и того... тревожно стало... оделся... чую, не могу сиднем сидеть... вышел... фельдфебель то мне как раз и сказал, что Илью Андреевича привезли...

Последняя часть — с фельдфебелем — была чистой правдой.

— Ну я и побежал, спать уж не смог..

— Константин Сергеевич, ну что вы, в самом деле, — укоризненно заметила Ирина Ивановна. — Дети отличаются особой чувствительностью, которую мы зачастую не понимаем...

— Спросите у фельдфебеля, господин подполковник! — приободрился Фёдор. — У Фаддея Лукича!

Две Мишени кивнул.

— Фаддей Лукич, значит..

— Господин подполковник, — уже резче перебила госпожа Шульц. — Ну что же вы, не видите, что ли, — Фёдор не лжёт? Он же знает, что у дядьки мы всегда справиться можем!

¹ Михаил Гаврилович Тартаковский (1867–1935) — в нашей реальности эпизоотолог, микробиолог и патологоанатом. В 1904 году опубликовал работу, где показал, что «выделяемое зелёной плесенью вещество подавляет возбудителя куриной холеры», то есть почти что открыл пенициллин. Был репрессирован и погиб в пересыльном лагере.

— Да вижу, вижу, — проворчал Константин Сергеевич. — Ладно, кадет. Ступайте спать. Завтрашние... то есть уже сегодняшние занятия никто отменять не станет.

— Так точно! — вытянулся Фёдор.

— Ступайте, ступайте, — махнул рукою Две Мишени. — Вы тоже, Ирина Ивановна... ступайте. А я пойду, надо посмотреть, кого поставим на замену Илье Андреевичу...

К себе в комнатку Фёдор доплёлся в буквальном смысле на заплетающихся ногах. Механически разделся, лёг, уставился в тёмный потолок. Нет, сна не было, как говорится, ни в одном глазу.

Кто, кто покусился на Илью Андреевича? Конечно, это могли быть и простые грабители — но, если верить книжке «Гений русского сыска», обычно такого не случается, уличные воры и даже громилы избегают стрельбы и вообще шума. К тому же место выбрано было крайне неудачно — рядом с Приоратским дворцом, а там — прислуга, люди, телефон, в конце концов. Нет, хотели именно убить. Правда, тоже не лучшим образом. Но Илья Андреевич никуда особенно не ходил, в последнее время и подавно — сидел в кабинете, ладил свою диковинную машину; Фёдор почти не сомневался, что этот аппарат — на замену исчезнувшему. Видно, эти двое убийц следили за корпусом и решили, что момента упустить нельзя.

Но почему?.. Кому потребовалось убивать Илью Андреевича? Эх, Петя спит, он-то бы мигом вспомнил, случалось ли учителям кадетских корпусов погибать от рук бомбистов или им подобных.

В общем, кадет Солонов только даром проворочался до самой побудки. На завтраке было ещё ничего, а вот

на первом же занятии Фёдор принялся неудержимо клевать носом.

По счастью, это оказался Закон Божий, и отец Корнилий в класс вошёл с видом весьма озабоченным.

Лев Бобровский — вот уж с кого всё как с гуся вода! Свеж, как огурчик, будто ничего и не случилось вчера! Бойко и чётко доложил, что «кадет всего в наличии двадцать», прочёл молитву, однако священник лишь вздохнул и стал рассказывать о приключившейся с «наставником вашим Ильёй Андреевичем» беде, вспомнил Феофана Затворника¹, слова святителя, что «Бог внимает молитве, когда молятся болящею о чём-либо душою. Если никто не вздохнёт от души, то молебны протрещат, а молитвы о болящей не будет» — и вскоре класс дружно читал молитвы о здравии раба Божьего Илии.

Во всяком случае, никого не спрашивали и оценок никаких не ставили.

Само собой, кадеты зашумели и зажужжали, стоило отцу Корнилию, благословив их на прощание, выйти из класса. Петя Ниткин так вовсе остался сидеть, пригрюнившись, и, кажется, с трудом удерживался, чтобы не расплакаться; это позволило Фёдору немедля взять за пуговицу Лёву Бобровского.

— Тихо, Слон, тихо! — зашипел в ответ тот. — Ну, чего ты с ума сходишь?! Нам молчать надо, никому ни слова! Ниткину в особенности!

— Сам знаю, что тихо надо! — огрызнулся Фёдор. И рассказал, что просидел ночью в лазарете, что на него натолкнулись там Две Мишени с госпожой Шульц, что он, конечно, отговорился, но...

¹ Феофан Затворник (1815–1894) — русский богослов, знаменитый проповедник своего времени, епископ Тамбовский и Шацкий, затем Владимирский. С 1872 года — в затворе, в Вышенской пустыни Тамбовской епархии.

— Вот балда! — Бобровский весь аж ошетинился, словно разозлившийся кот. — Надо ж такое было удумать!.. Да ещё и попался! Думаешь, Двух Мишеней обмануть сможешь?! Ха, чёрта с два! Аристов — он умный! Догадается, что не мог ты сам об этом прознать!

— Я фельдфебеля встретил... спросил...

— Ну тогда ещё ладно, — проворчал Лев. — Ну вот как так, Слон? Ну что ж ты вечно голову в улей суёшь?

— Моя голова — куда хочу, туда и сую! — обозлился Фёдор. Обозлился от того ещё больше, что понимал — Бобровский, как ни крути, во многом прав.

— Суй! Если б ещё мою голову с собой бы не поволок!..

— Эй, вы тут о чём? — рядом с ними возник Петя Ниткин. Глаза успели покраснеть. — Илья Андреевич при смерти, а они тут...

— Нитка! Отвяжись, — грубовато бросил Бобровский. — Не до тебя, плакальщик. Мы тут думаем, кто на Положинцева покуиться мог. Хочешь, давай с нами думать. А реветь — не, это к тальминкам.

— А я и не думал плакать! — покраснел Петя.

— Бабушке своей это расскажи, — пренебрежительно бросил Лев. — Ладно, Слон, бывай.

— Станный он, Бобёр, — Петя вздохнул. — Умный, но злой. Злой, но умный.

— Да забудь ты про него, — нетерпеливо оборвал его Фёдор. — Вот что, слушай меня внимательно...

...До начала следующего урока Солонov успел кратко пересказать Пете случившееся. Пересказал — и отнюдь не чувствовал себя предателем. Разобраться в случившемся мог только Ниткин — вернее, разобраться без него вышло бы куда дольше и труднее, если вообще получилось бы.

К чести Петра, выслушал он Фёдора с поистине спартанским хладнокровием. И никаких замечаний, что более подошли бы его, Фединой, маме, не делал. Сосредоточенно кивнул, положил другу руку на плечо и сказал:

— Спасибо, Федь. Я понимаю. Умру, но не пикну. А вечером думать будем. Хотя, сдаётся мне, кой-чего уже сейчас предположить можно... не, не спрашивай. Это всё *гипотезы*, — важно закончил он.

День тянулся томительно и натужно. У Фёдора всё валилось из рук. Схлопотал выговор от Иоганна Иоганновича, на физике, где Ильё Андреевича заменял штабс-капитан Шубников, нарвался на замечание («Кадет Солонов, вне зависимости от чего бы то ни было, долг ваш — овладевать знаниями!») с записью, в общем — сплошные неприятности!

Петя Ниткин, выслушав друга, держался молодцом. Со стороны ничего и не заметишь, разве что чуть больше задумчив, чем обычно.

Уроки до самого конца дня шли своим чередом, потом пришли Ирина Ивановна с подполковником, повели седьмую роту на снежную полосу препятствий — раньше она служила излюбленным местом яростных перестрелок на снежках, в которых Фёдор принимал самое живое участие; сейчас же, пару раз получив комками в плечо и бок, он не завёлся, как обычно, не кинулся с удвоенной энергией отвечать сопернику — нет, угрюмо закончил дистанцию, далеко не первым и даже не вторым, в середине, и мрачно, ни на кого не глядя, вернулся к ожидающим.

Ирина Ивановна зорко на него взглянула, подошла.

— С Ильёй Андреевичем всё будет в порядке, — сказала вполголоса, но с непреклонной убеждённостию. — Мы все молимся за его здоровье... и врачи стараются.

Я слышала, профессор Вельяминов и в самом деле решил использовать то средство доктора Тартаковского, сегодня за ним послали... Всё будет хорошо, Федя.

«Может, и будет, — мрачно думал кадет Солонов, тащась обратно в главное здание корпуса на ужин. — Может, и будет, да только убийцы эти — они вернуться. Упорные, упрямые, видать. И рисковые».

Но кто?! Кто они такие? Кому и чем мог помешать Илья Андреевич?

Конечно, если он, Фёдор, прав и на самом деле господин Положинцев пришёл из того же потока времени, где в 1972 году живут и здравствуют профессор Онуфриев, его внук Игорёк, девчонка по имени Юлька Маслакова и другие, — то не мог ли кто-то ещё догадаться об этом? Или... а что, если дружки того самого Никанорова, что привёл полицию на дачу профессора, — что, если дружки добрались и до его, Фёдора, времени? И хозяйничают тут?

Мысль, которой надлежало немедля поделиться с Петей. Однако Ниткин, выслушав взахлёб выданную ему теорию, только пожал плечами.

— Что ж тут удивительного? Я сам про это только и думаю. Никаноров тот — такие не шутят.

— А что же нам делать?

Ниткин помолчал, потом вздохнул:

— Ничего не поделаешь, придётся Илье Андреевичу всё рассказать, как только можно будет. Сказать, что мы у него были, там. И что на него охотятся — те, из его времени.

— А ты уже так уверен? А что, если это неправда?

— Да кто ж ещё мог такую машину прямо в корпусе построить? Федь, ну ты что, в самом деле?

— Да я ничего, — уныло ответил тот. И в самом деле, чего он? Сам ведь уже почти убедил себя, что не может

быть Илья Андреевич человеком их времени, что явился он в него *извне* — а теперь чего-то вдруг заколебался. — Но всё-таки, Петь, нужно доказательство, настоящее, железное...

— Мы ему скажем, — убеждённо заявил Ниткин. — Это и будет доказательство, настоящее, железное, какое хочешь.

— Ага, а он скажет — ничего не знаю, ничего не ведаю, о чём вы, кадеты, надо вам в душ этого, как его, Шор... Шур...

— Шарко. Состоит в обливании подверженного истерии пациента...

— Да хватит тебе, всезнайка! Зине это рассказывай! — Федя даже обиделся, и Петя, покраснев, сразу же принял-ся извиняться и каяться.

— В общем, а если откажется?

— Не откажется, — подумав, сказал Петя. — Мы ж *там* были. Он же поговорить наверняка захочет.

Федю это, надо признаться, ничуть не убедило, но аргументы кончились и у него.

Лёвка Бобровский кидал на них взгляды, в коих, по витиеватому выражению Пети, «подозрительность только что по щекам не стекала», но ничего не говорил.

Илья Андреевич Положинцев остался лежать в лазарете, своим чередом шли уроки и катились дни, а Фёдор, раз уж поговорить с учителем физики всё равно было невозможно, решил «взяться», как порой выражалась мама, за сестру Веру.

После их городского приключения старшая из детей Солоновых изрядно напугала и маму, и нянюшку, погрузившись в беспричинную меланхолию. Меланхолия эта весьма тревожила Анну Степановну, но традиционным средствам — походу по модным лавкам — отчего-то не поддавалась.

В ближайший же отпуск Фёдор загнал сестру в угол — пока мама с няней и Надей хлопотали в столовой, накрывая на стол. За окнами стоял студёный февраль, близилось Сретенье, а сама Вера во всём чёрном, будто вдова, похудевшая и осунувшаяся, вяло отбивалась от Фединых наскоков.

— Да не вижу я их никого!.. Да, совсем-совсем никого! Ни там ни там!

— Вот что, — вполголоса сказал сестре Фёдор, — я тут подумал, подумал... надо этим твоим эсдекам побег постараться устроить. Ну чтобы у них сомнений на твой счёт бы не возникло.

— Ух ты! — искренне изумилась Вера. — Побег!.. Это как же?

— Ну, как... — Если бравый кадет и смугился, то лишь самую малость; Ник Картер с Натом Пинкертоном выручили и тут. — Отбить при перевозке! Или с фальшивым ордером в Дом предварительного заключения явиться!

— Умён ты, братец, не по годам, — фыркнула сестра. — Придумаешь же такое! Отбить!.. Кто отбивать-то станет? Или где мы тебе этот «фальшивый ордер» добудем?

— Где бы ни добыли, — упрямо сказал Федя, — а только, если достану — пойдёшь их освобождать? Ну чтобы они бы в тебе не сомневались?

— Так побег, значит, не должен удалиться?

— А ты как думаешь?

— Ну конечно, не должен! — выпалила Вера. — Они ж бунтовщики!.. Куда хуже тех же бомбистов!.. Бомбисты в худшем случае один эшелон семёновский подорвут — а эти всю Россию под откос пустят!..

Это были верные слова. Иных Вера бы сейчас сказать и не могла.

— А отчего же ты *своим* в Охранное отделение знать не дашь? — самым невинным тоном закинул наживку Фё-

дор. — Глядишь, они бы тебе и с орденом помогли! А потом оставшихся на свободе смутьянов бы переловили!..

— Д-да, — голос у сестры дрогнул. — П-переловили бы..

— Ну вот! Их всех — в Сибирь, и никто тебя не тронет. Ты-то чиста!.. Рисквала ради них всем!..

— Да погоди, погоди, — кое-как отговаривалась Вера, — экий ты быстрый! Всё уже решил и всех по сибирям распахал..

— Я б их вообще... — мрачно сказал Федя. — Чтоб никто из них мою б сестру не пугал!

Вера слабо улыбнулась.

— Что б я без тебя делала, защитник..

И — словно закончила разговор.

А Фёдор Солонов пошёл думать. И спросить себя — а что бы сказал Илья Андреевич?

Да, вот что бы сказал?.. Сказал бы, что Вера просто притворяется и никого в Охранном она знать не знает, а просто пытается усыпить его, Фёдора, подозрения. Играть сестра и впрямь может, а он, её брат... он бы и сам рад обмануться. Так хочется, чтобы Вера и впрямь не имела бы никакого отношения к смутьянам, а служила бы, как подобает Солоновым, России и Государю, верная присяге...

Ох, сомнения, сомнения, скребут на душе кошки, и даже котёнок Черномор, уж на что неразумный, а и то чует что-то, беспокоится, ходит кругом да около, мяучит... что-то будет? Вывезет ли кривая?..

Миновала Родительская суббота, настало Сретенье. Январь уступил место февралю, Илья Андреевич Положинцев поправлялся медленно и трудно. Сперва боялись его тронуть и лежал он в корпусной больничке, но затем с величайшими предосторожностями раненого перевезли в Военно-медицинскую академию. Физику стал пре-

подавать штабс-капитан Шубников, но его кадеты не любили. Был он молод, нервен, цеплялся в классе ко всякой мелочи и однажды даже ухитрился поставить Пете Ниткину «шесть» вместо неизменных «двенадцати» — «за слабую дисциплину и пререкания со старшим по званию».

Петя после этого шёл, глядя на свой «Дневникъ успѣваемости» глазами, полными слѣз. Чтобы он ненароком не свалился с лестницы, Фѣдору пришлось даже поддерживать друга под руку. Севка Воротников не преминул погыгыкать, однако Лѣвка Бобровский на него прикрикнул — и Севка тотчас же прекратил.

Стрелявших в Илью Андреевича так и не нашли. Жандармские офицеры приезжали, крутились вокруг Приората, да так ни с чем и убралась восвояси, лишь изронив глубокомысленно, что, дескать, скорее всего, дело рук террористов БОСРа, однако от заявлений этих, понятно, никому не было ни жарко ни холодно.

Корпус, однако, продолжал готовиться — наставлял государев смотр. В Гатчино пришла тишина, но армейские и казачьи патрули так никуда и не исчезли.

Лиза Корабельникова исправно слала Фѣдору письма в розоватых конвертиках, а Зина Рябчикова — Пете Ниткину в лимонных.

После Сретенья настала пора Сырной седмицы, Масленицы, и именно на ней, почти перед самым смотром, Фѣдору Солонову пришло ещё одно письмо, с клеймом Военно-медицинской академии.

Илья Андреевич Положинцев писал неразборчиво и нетвёрдо, но, верно, не хотел никому диктовать.

«Дорогой Фѣдоръ, обстоятельства поистинѣ чрезвычайныя вынуждаютъ меня обратиться къ Вамъ. Я уже имѣлъ случай убѣдиться въ Вашей смекалкѣ, храбрости и умѣнии держать слово.

Въ теченіи многихъ мѣсяцевъ Вашъ покорный слуга пытался разобраться въ загадочныхъ явленіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ подвалахъ корпуса, равно какъ и въ иныхъ подземныхъ ходахъ Гатчины. Имѣю всѣ основанія подозрѣвать, что эти ходы используются инсургентами, злоумышляющими противъ мира и спокойствія, а также противъ самой особы Государя Императора. Не имѣя строгихъ доказательствъ, а также принимая во вниманіе, какую тѣнь даже слухи объ этомъ могутъ бросить на славное имя Александровскаго кадетскаго корпуса, я не рискнулъ обращаться съ этимъ въ Охранное отдѣленіе. Но послѣдніе событія, увы, вынуждаютъ меня къ рѣшительному дѣйствию.

Какъ ни стремительно было совершённое на меня нападеніе, я сумѣлъ разглядѣть одного изъ нападавшихъ. Это былъ подростокъ, развитый для своихъ лѣтъ; одѣтъ въ полушубокъ и красный шарфъ. Курчавый, горбоносый. На переднемъ зубѣ золотая коронка. Сейчасъ, лежа въ постели и имѣя массу свободнаго времени, я, послѣ нѣкоторыхъ усилій, смогъ припомнить, что примѣрно подобнымъ образомъ Вы, Ѳеодоръ, описывали своего недруга Іосифа Бешанова. Если это и въ самомъ дѣлѣ онъ, то, скорѣе всего, мы имѣемъ дѣло съ акціей социаль-демократовъ, тѣхъ самыхъ эсъ-дековъ, съ коими имѣла несчастье связаться Ваша сестра.

А это говоритъ о несомнѣнной связи производящихъ разысканія въ нашихъ подземельяхъ и подвалахъ лицъ съ этимъ крайне опаснымъ крыломъ инсурентовъ.

Разумѣется, о своихъ подозрѣніяхъ въ отношеніи Бешанова я повѣдалъ полиціи; однако, учитывая его крайнюю ловкость и удачливость, а также неуклюжесть нашихъ бѣдолагъ-жандармовъ, увѣренъ, что отъ поимки онъ ускользнетъ. Это дѣлаетъ крайне необходимымъ использование Вашей сестры для то-

го, чтобы взять съ поличнымъ всю эту шайку. По-
пытайтесь еще разъ поговорить съ Вѣрой. Отвѣтъ
пошлите мнѣ не почтой, но черезъ надёжныя руки:
напримѣрь, посредствомъ Вашего друга Петра Нит-
кина, чья семья имѣетъ жительство въ столицѣ и ча-
сто привозить его туда...»

Над письмомъ Ильи Андреевича Фёдор просиделъ весь
вечер. Вернее, просидели они с Ниткиным. Петя, со
свойственной ему рассудительностью, тут же заявилъ, что
поездку в Петербург он организует, ибо и мама, и тѣтя
Арабелла, и даже Петин дядя-опекун, генерал-лейтенантъ
Сергей Владимирович Ковалевский, — все считали, что
кадета Солонова настоятельно требуется пригласить
в гости. А уж там они сообразят, как передать письмо
Илье Андреевичу.

— Выходит, и он считал, что инсургенты у нас там
шалают...

— Как и Бобровский, — буркнулъ Фёдор. Призна-
вать правоту Лёвки не шибко приятно, но что поде-
лать.

— Но про машину молчок.

— Ясное дело, Петь, что молчок! Я б тоже на его ме-
сте молчал.

— Конечно, он её там ладил-ладил, а потом...

— Да может, ещё и не он!

— А кто же?

— Профессор нам про Илью Андреевича ничего
не говорил! Только и сказал, что, мол, с трудом нашли
место!

— А как бы они её туда засунули? — возразил здраво-
мыслящий Петя. — Ясно, что кто-то из корпуса только
это и мог сделать! Нет, Федь, ты как хочешь, а Илья Ан-
дреевич — он *оттуда*.